

ИЛЪЯ
КУЛИКОВ

**ДЕСАНТ
КНЯЗЯ
РЮРИКА**

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К90

Художник Игорь Варавин

Куликов, Илья Федорович.

К90 Десант князя Рюрика / Илья Куликов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 384 с. — (Спецназ древней Руси).

ISBN 978-5-04-092671-8

Подразделения морской пехоты всегда считались элитными воинскими частями во всех странах мира. Но кем были первые морские десантники на Руси?

В те дни, когда начиналась история нашей страны, среди славян не было единства. Разрозненные и плохо обученные, они всегда становились жертвами нападений викингов — опытных и сплоченных воинов. Кто бы мог подумать, что всего через несколько лет после прихода Рюрика славяне научатся выстраивать стену щитов не хуже, чем заморские воины! Вскоре от их десантов содрогнутся Хазарский каганат и Византийская империя.

Долгое время Русь будет именоваться владением варягов, а желание господствовать на море навеки останется в сердцах русских людей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092671-8

© Куликов И.Ф., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Старый Город славян был достаточно большим поселением. В нём было около десяти родов, в которых проживали от десяти до двух сотен человек в каждом. Раскинувшийся на побережье Варяжского моря, он был крупным центром торговли. Именно туда приходили все главы родов, живших в окрестностях, чтобы держать совет и вести торг.

Старый Город никто не основывал. Он появился сам по себе, и уже никто не помнил, кто был тот самый первый человек, который построил здесь своё жилище. Впрочем, не зная подлинного его имени, многие главы родов, населявших Старгород, именовали его своим предком. Одни говорили, что этот человек был славным боем, то есть воином, а другие говорили, что он был князем, то есть владельцем коня.

Впрочем, и те и другие сходились на том, что человек этот был могучим богатырём, жил почти два века, был любимцем богов и владел конём. Были и те, кто говорил, что человек этот был мо-

реплавателем и рыбаком. Как ни странно, таких родов, что считали, что основал город рыбак, было тоже немало. Как правило, это были недавно поселившиеся здесь роды, которые не хотели видеть в основателе города какого-то героя, а сказывали, что он был ничем не примечательным человеком, единственной заслугой которого была его плодовитость, ну, и везение, с которым он выбрал место, где будет жить его род.

Гостомysl был известным боем, старшим одного из древнейших родов Старгорода и, как положено, прямым потомком основателя Старгорода. Гостомysl был уже немолод, но, разменяв шестой десяток, он сохранил свою силу и заслуженно считался одним из лучших боев Старгорода. Его просторный дом стоял чуть ли не по центру города. Впрочем, о том, где находится центр города, также шли безостановочные споры. У самого Гостомysла было много детей и три жены. Одна, Беяна, была на десять лет старше его. Она была женой покойного брата и после его смерти, как и полагалось, поселилась в доме брата своего супруга. Детей Беяна не имела. Другая, Любава, была его избранницей и матерью девяти его детей, а вот третья, Ростислава, была женой его младшего брата Пересвета, который пал в битве с кривичами год назад. Ростислава была на десять лет младше Гостомysла и имела четверых детей.

Сказывали, что Ростислава после смерти мужа хотела наложить на себя руки, но ей не дали совершить это, так как у неё были дети и их нужно было воспитывать.

Семья у Гостомысла была большая. Все многочисленные дети называли его отцом, а его жён матерями, не сильно выделяя, кто из них их мать по крови, а кто по положению. Старшие сыновья женились и уже имели своих детей. Некоторые из внуков Гостомысла были немалого младше детей Ростиславы. Дочери привели в семью своих супругов и также родили по несколько детей, а супруги нередко приводили в семью новых жён, так как жёсткие нравы славян нечасто позволяли мужчинам состариться. Новые женщины приходили со своими детьми.

В доме у боя Гостомысла негде было яблоку упасть, но жили все дружно на зависть другим родам. Всего род Гостомысла насчитывал более ста человек и постоянно разрастался. Мужчины в роду у Гостомысла были сильными и в случае чего способными держать топор в руках. Был у Гостомысла и конь, так что он мог справедливо именоваться князем, правда, он предпочитал, чтобы его величали боем.

В месяц травный, или май, в дом Гостомысла постучалась беда. Его старший сын Всеволод погиб в драке с неким Радимиром, который, презрев всякий порядок, решил силой отобрать добытое на охоте. Весть в дом Гостомысла принёс его внук и сын Всеволода Осмомысл.

— Папка не хотел отдавать набитых на охоте уток, но Радимир, не желая слушать, достал топор и нанёс им рану моему батюшке, а после сказал, что он потомок князя и основателя города, поэтому ему дозволено брать то, что добыли

другие, так как все, кто поселились на землях его родителя, должны смириться.

Гостомысл посмотрел на плачущего внука и погладил его по голове. Страшно парнишке, ведь прямо на глазах его батюшку убили. Пролилась кровь рода, и на такое нельзя не ответить. Убийца должен быть убит! Гостомысл с болью вспомнил, как много лет назад он впервые взял на руки кричащего младенца. Всеволод! Так будут звать ребёнка, решил он, и вот теперь этот ребёнок вырос и превратился в зрелого мужа. Теперь он убит, и его дух требует мести.

— Заберите тело моего сына и принесите его в дом! — обратился он к женщинам своего рода, а после посмотрел на собравшихся мужчин. — Берите топоры и копья, дети! Идём к Радимирову отцу Властимиру и потребуем, чтобы он выдал нам убийцу!

— Веди нас, отец! — закричал другой сын Гостомысла по имени Ждан. — Кровь Всеволода вызывает к нам, он требует мести!

Гостомысл посмотрел на своих сыновей (так он называл всех мужчин своего рода) и увидел, что все они хотят пролить кровь в отместку за Всеволода. Как отец он хотел того же, но как глава рода он мыслил о том, как бы не потерять других своих сынов, понимая, что если Властимир не решится выдать ему Радимира, то прольётся кровь.

— Дети, берегите себя в битве, но помните, в нашем роду трусов нет. Помните, что мы все отвечаем друг за друга. А ты, Володарь, куда встал, а ну-ка, иди к другим детям!

— Батюшка, — проговорил Володарь, которому было не больше десяти лет, — я уже готов биться и могу принести пользу!

— Нет! Володарь, — ответил Гостомысл, — в битве ты будешь лёгкой добычей, и вороги сразу поймут это. Чтобы спасти твою жизнь, твои родичи отдадут свои. Тебе ещё не время лить кровь!

Все мужчины, взяв в руки оружие, пошли к дому Властимира, полные решимости кровью заплатить за кровь. Властимир, отец Радимира, вместе со своими сынами вышел им навстречу. Властимир был немного старше Гостомысла, но также не был обделён здоровьем и готов в случае чего отстаивать свою правду с топором в руке.

— Приветствую тебя, бой Гостомысл! Знаю, зачем ты с оружием идёшь ко мне, но прошу тебя остановиться и опустить топор. Мой сын Радимир пришёл домой в крови и с глубокой раной и рассказал мне о том, что случилось на охоте. Твой сын был там вместе со своим сыном. Их охота была неудачной до той поры, пока мой сын не указал твоему сыну болото, где много птицы, прося за это треть улова. Твой сын набил уток, но не сдержал слова, сказав, что он потомок боя и ему не пристало давать настрелянных им уток. Между ними произошла драка, в которой твой сын ранил моего, а мой убил твоего. Дело печальное, но уберём оружие и переговорим. Я заплачу тебе положенную виру за то, что мой сын лишил жизни твоего сына. Но Радимира я тебе не выдам.

— Ложь! Мы знаем, как всё было, — закричал один из родичей Гостомысла, — ты укрываешь убийцу, а дух нашего родича требует отмщения! Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Гостомysl прикрыл веки и постоял некоторое время с закрытыми глазами, представляя, что он сейчас общается со своим сыном Всеволодом.

— Скажи, как было дело, — мысленно обратился Гостомysl к умершему.

— Батюшка, спроси у моего сына, который был свидетелем. Радимир не был мной ранен, а увечье нанесли ему его родичи, наказывая его и желая таким образом отвратить нашу месть. Мой топор не был окровавлен, и его принёс мой сын. Ты сам видел его.

Гостомysl открыл глаза и посмотрел на Властимира, который, понимая, что Гостомysl сейчас разговаривает с умершим, молчал.

— Всеволод был убит, и его топор принёс в дом его сын. Я сам видел, что на нём нет следов крови, а посему Всеволод не мог ранить твоего сына. Я опять прошу тебя отдать мне Радимира. Он будет судим мужчинами моего рода, а после я решу, какую смерть он примет. Ты заберёшь его тело, как я забрал тело своего сына.

— Бой Гостомysl, я не хочу крови, но не выдам тебе на поругание своего родича, который к тому же был ранен. Я готов заплатить виру за жизнь твоего сына, но своего не выдам.

— Тогда прольётся кровь! Кровь за кровь!

— Да будет так, бой Гостомysl, но невиновного на смерть не выдам.

Главы родов разошлись к своим родичам и повели их в бой.

— Родичи, дух Всеволода гуляет по земле и взывает о мести! Вспомните, как вы вместе с ним бражничали и как он делил с вами кусок мяса в дни, когда дичи не хватало на всех. Он — мы, мы — он! Кровь смывается только кровью.

Сшиблись в сече люто и бились отважно с обеих сторон, не жалея ни себя, ни противников. Гостомысл могучим ударом поразил своего противника и, раздробив его голову топором, провозгласил:

— Тебе, Всеволод! За тебя эта кровь!

Вскоре Всеволоду посвятили жизни ещё троих родичей Радимира. Властимировичи дрогнули и стали бросать оружие.

Гостомысл подошёл к Властимиру, который был ранен и стоял, поддерживаемый одним из своих детей.

— Гостомысл, твой сын отомщён, и его дух успокоится. Но помни, что ты несправедлив.

— Я заберу Радимира, и он будет судим. За его телом пришлешь через три дня.

Властимир ничего не ответил и лишь, опустив глаза, смотрел на тело одного из своих родичей.

Гостомысл не хотел упиваться победой. Он понимал, какую незаживающую рану он сегодня нанёс роду Властимира, забрав сразу четверых взрослых мужчин, но понимал, что только так можно сохранить в городе порядок. Ведь коли станет можно убивать друг друга безнаказанно, то каждый поднимет свой топор, и тогда начнётся великая смута.

Гостомысл помнил, как в далёком прошлом безнаказанно убивали друг друга и как в один день собрались главы родов и решили остановить кровопролития, приняв решение, что кровь должна быть наказана кровью и никто не смеет забирать жизнь ни в каком случае, так как, забрав жизнь, он заплатит за неё своей. В случае если человек забрал жизнь другого не по своей воле, а по случайности, то тогда семья его должна была выплатить виру семье потерпевшего, даже если тот защищался. С тех пор хоть кровь и продолжала литься, людей умирать стало меньше.

Он судил Радимира следующей ночью в глубине леса в сени дубов, где жил бог суда Пправе. Радмир был и вправду тяжело ранен, но говорить мог. Когда ему сообщили его вину, то он дал ответ:

— Бои! Я убил Всеволода в драке, так как тот не отдал положенной мне части уток, которых набил в том месте, где я ему указал. Но драку он начал первым, так как считал себя сильнее меня и похвалялся при этом, что он потомок боя и основателя города, а посему я должен ему безвозмездно услуживать, на что я ответил ему, что во мне течёт кровь князя, а именно князь основал город. Тогда Всеволод сказал, что он убьёт меня, и достал топор. Я был быстрее и победил Всеволода, но он ранил меня. Коли я был бы виновен, позволил бы я сыну Всеволода отправиться и позвать вас?

— Тогда ответь, почему топор Всеволода не был покрыт запёкшейся кровью? — спросил Гостомысл у Радимира.

Гостомыслу, как и любому главе рода, давно надоело выяснять, кто же всё-таки основал Ста-

рый Город — бой, который владел конём, или князь, который был богатырём, а также каким прародителем кому он является. Но он понимал, что были дни, когда он сам не мог сносить неправды и готов был отдать жизнь за своё право именоваться старейшим родом в Старгороде.

— Не ведаю сего, — отвечал Радимир, — может, сын Всеволода вытер его, но я не знаю.

— Тогда скажи, Радимир, знал ли ты, что даже если вы вступили в драку, то нельзя лишать другого жизни, и нет разницы, от кого происходит его род — от князя или боя?

— Ведал, но это вышло случайно, так как мой удар должен был лишь покалечить Всеволода, а он убил его.

Гостомысл понимал, что такое часто бывает. Многие заплатили за это жизнью, и теперь он должен принять решение. Конечно, он понимал, что теперь не выяснишь, кто был прав — Радимир или его сын Всеволод. От его решения зависела судьба Радимира. Если бы Властимир сразу отдал ему убийцу сына, то он, может, и простил бы его, потребовав виру, понимая, что хоть и больно ему это, но Всеволод был не в своём праве или, во всяком случае, также виновен. Но теперь, когда уже пролилась кровь и на правосудие Радимир был приведён после битвы, Гостомысл решил покарать его смертью.

— Я принял решение, что ты виновен, — сказал Гостомысл, — и если не в том, что убил моего сына, то в том, что укрылся от правосудия. Но я предлагаю тебе самому выбрать смерть, которой ты умрёшь.

Радимир промолчал, собираясь с мыслями, а затем проговорил:

— Я хочу умереть в бою.

Гостомысл кивнул и достал топор. Радимиру тоже дали топор, и они встали друг против друга. Радимир едва смог подняться на ноги, но всё же сделал выпад и тотчас же был сражён ударом Гостомысла.

Глава 2

С того дня прошло несколько недель. Наступил месяц изок, или июнь. Изок — это чудесная певчая птичка, которая прилетала в земли славян, как и многие другие, лишь на короткие летние дни, но её пение так полюбилось всем, что точно никто не знает, в каком роду или племени дни, когда эти птички ищут себе пару и чудно поют, стали именовать изоком.

В Старгороде, разумеется, считали, что изоком стал именовать сей летний месяц именно сын того человека, что поселился тут первым. Здесь все были едины и, конечно, не могли терпеть лживых кривичей, приходящих из Бора, которые, торгуя с людьми Старгорода, говорили, что изоком стал называть тот летний месяц их прародитель, некий Крив, от которого они и ведут свой род. Эти споры хоть и не выливались в кровные противостояния, но нередко кончались лютыми драками на кулаках.

В Старгороде текла размеренная жизнь. Люди меняли плоды своих трудов, к городу причаливали ладьи с торговыми людьми, которые очень

ценили пушнину и мёд и готовы были выменять их на не менее ценные товары — оружие, а главное, мечи и броню. Особенно ценились лошади, так как в глухих лесах никто толком разводить их не умел, да и корм на них запастись было делом нелёгким. В стародавние времена и вовсе любой владелец коня считался князем. Сейчас кони были у многих глав родов, но ценились по-прежнему.

Но в этот день к берегам Старого Города приплыли вовсе не торговые ладьи. Это плыли драконы, появление которых никогда не сулило ничего хорошего. Купцы поговаривали, что в далёких заморских странах, где поклоняются не разным богам, а единому Богу, которого именуют Иисус Христос, даже молитву придумали, чтобы тот укрывал своих почитателей от их свирепости. В Старгороде никто от варягов скрываться не собирался, так как считал это недостойным, но все понимали, что драконы сулят кровопролитие.

Весть о незваных гостях принёс Гостомыслу один из его внуков, который рыбачил и увидел драконов. Гостомысл в это время любовно чистил своего коня. Хоть ездить на нем он решался редко, боясь свалиться, но очень гордился тем, что у него есть это дивное животное, а значит, он князь.

Гостомысл слышал, что далеко за лесами есть место, где такие вот животные ходят целыми стадами, и что есть народы, от которых, между прочим, происходит и его род, которые даже спят на таких конях и владеют десятками этих животных.

— Сколько ты видел драконов, Лешко? — спросил Гостомысл у внука.